

Эд Макбейн
Мертвые не грезят
Серия «Курт Кеннон.
Рассказы», книга 2

*OCR Сайт любителей приключений: <http://rraymond.narod.ru/>
<http://mysuli.aldebatan.ru>
Оригинал: EdMcBain, "Dead men don't dream"*

Содержание

Курт Кеннон (Эд Макбейн)

Мертвые не грезят

Старый квартал мало изменился. Я стоял у окна в спальне Чарли Даггеры, глядя на серые пятна многоквартирных домов, высящихся в холодном зимнем небе. Солнца не было. День был холодным, мрачным и казался каким-то угрожающим, словно оттого, что Чарли Даггера лежал в гробу.

Гробовщик мастерски застегнул воротник Чарли так, что большая часть ножевой раны поперек его горла оказалась прикрытой. Остальное скрывал густой грим и полумрак в комнате, но все знали, что прячется под гримом. Все знали, но никто не говорил об этом.

Присутствующим принесли вина, и я налил себе изрядную порцию. Чарли и я еще мальчишками вместе прицеплялись к троллейбусам, что ходили некогда по Первой авеню. Это было много лет назад, и я не видел Чарли с тех пор, как у меня отобрали лицензию. Я, возможно, так никогда бы и не встретил Чарли, живым или мертвым, если бы не забежал к Лосю на Четырнадцатую улицу. Он рассказал мне о Чарли и просил прийти выразить соболезнование. Он не обратил внимания на трехдневную щетину на моем лице и на красные прожилки в глазах. Он пренебрег всем этим и попросил меня прийти помянуть умершего друга дет-

ства, и я согласился.

– Ну как ты? – спрашивал теперь Лось. Двумя тонкими пальцами он держал низкий стакан.

Лось был очень маленьким человечком, сохранившим жидкие волосы лишь на самом затылке. Он тоже был совсем еще маленьким ребенком, когда мы наградили его этой мужественной кличкой.

– Так себе, – ответил я Лосю и опорожнил свой стакан. Один из родственников Чарли вновь наполнил его, и я поблагодарил кивком головы.

– Я читал об этом в газетах, – сказал Лось.

– Да?

– Да. – Лось печально покачал головой. – Она была сукой, Курт. Ты должен был убить этого парня.

Он говорил о моей жене Тони. Он вернул меня к ночи, когда я после четырех месяцев женитьбы полной влюбленности, застал ее в своей спальне с сукиным сыном по имени Паркер. Он напомнил мне о живописных газетных отчетах о том, как я обработал Паркера рукоятью своего сорок пятого и как полиция обвинила меня в нападении с применением оружия. Они отняли у меня лицензию, а Паркер отнял у меня жену, но перед этим я размозжил ему лицо и выбил половину его чертовых зубов.

– Ты должен был убить его, – повторил Лось.

– Я пытался, Лось. Один черт знает, как пытался. – Я не любил вспоминать об этом. Слишком много вре-

мении ушло на то, чтобы забыть. Виски немало в этом помогло.

– Хорошие люди умирают, – сказал он, качая головой, – а плохие продолжают жить.

Он оглянулся на гостиную, где цветы окружали гроб со всех сторон. Я тоже обернулся и увидел тихо всхлипывающую мать Чарли, полную итальянку в черном платье.

– А что случилось? – спросил я. – Кто перерезал Чарли горло?

Лось продолжал покачивать головой, словно не слышал меня. Я глядел на него поверх моего стакана, и наконец наши глаза встретились. У него они были словно покрыты какой-то вуалью, затуманены чем-то невыразимым.

– Что случилось? – вновь спросил я.

Лось заморгал, и тут я понял, что этим невыразимым является страх. Холодный, голый, безрассудный страх.

– Не знаю, – сказал он. – Его нашли возле собственного магазина. Ты ведь знаешь, он держал лавку готового платья. Ты помнишь отца Чарли, не так ли, Курт? Старого Джо Даггеру. Когда Джо умер, лавочка перешла к Чарли.

– Да, – ответил я.

Виски убывало, а вместо него прибывали слезы. Пора было уходить.

– Лось, – сказал я, – мне надо бежать. Хочу попро-

щаться с матерью Чарли, а затем мне...

– Конечно, Курт. Спасибо, что пришел. Чарли был бы доволен.

Я оставил Лося в спальне и простился с миссис Даггера. Она, конечно, не помнила меня, но взяла мою руку и крепко ее пожала. Я был другом ее покойного сына, и ей хотелось удержать все, что он знал и любил, настолько долго, насколько это было в ее силах. Я остановился возле гроба, преклонил колени и пожелал Чарли, чтобы земля была ему пухом. Он в жизни не обидел даже мухи – настолько я знал – и он заслужил лучшую долю.

Я встал и пошел к двери, а один из родственников Чарли произнес:

– Взгляните, он выглядит так, словно спит.

Я посмотрел на гроб и на багровую, зашитую рану на шее Чарли, которая начала уже проступать из-под грима. Мне стало тошно от всего, что происходило.

– Нет, – грубо заметил я. – Он выглядит мертвым.

И вышел на лестницу.

Квартал выглядел почти таким же, как и прежде, но не совсем. Здесь все еще сохранилась кондитерская, вплотную прислонившаяся к зданию на левой стороне улицы, и лавочка по прокату велосипедов на правой. На углу стоял фургон мороженщика, и я вспомнил, как однажды чуть не размозжил себе руку, дурачась с фургоном: я наклонял его до тех пор, пока соскольз-

нувшая глыба льда не развернула фургон, прижав его к углу и защебив мою руку. Я потерял ноготь, и в то время это было трагедией. Сейчас воспоминание вызвало у меня улыбку. Большой белый особняк через улицу выглядел теперь потрепанным. Квартал из итало-ирландского превратился в итало-ирландско-пуэрториканский. То был тот же самый квартал, но уже и другой.

Я пожал плечами и направился к кондитерской. Парень за стойкой внимательно взглянул на меня – незнакомца, когда я вошел.

– «Пелл-Мелл», – попросил я, залезая в карман за мелочью, а его глаза продолжали изучать меня, начиная с одежды и кончая лицом. Я знал, что я не Мона Лиза, но мне не понравился изучающий взгляд парня.

– Что с тобой? – резко бросил я.

– Хм. Я...

– Дай мне чертовы сигареты и кончай допрос третьей степени.

– Да, сэр. Я... простите, сэр.

Я посмотрел ему в глаза и увидел тот же самый страх, что застыл на лице Лося. А затем я осознал, что парень даже употребил слово «сэр». Кто же, черт возьми, называет бродягу «сэром»? Он положил сигареты на прилавок, и я сунул ему шестьдесят пенсов. Он тонко усмехнулся и отодвинул монету ко мне обратно. Я посмотрел на нее, а затем парню в глаза. В те дни, ко-

гда я был частным детективом с лицензией, я видел страх на многих лицах. Я так настрополил, что мог различать запах страха. Я чувствовал его сейчас, потому что парень испугался по-настоящему.

Я еще раз толкнул ему монету через стойку и сказал: – Сдачу, приятель.

Парень быстро схватил звякнувшую монету и дал мне сдачу. Теперь он вспотел. Я пожал плечами, покачал головой и вышел из лавки.

«Ну, Кеннон, – сказал я самому себе. – А теперь куда?»

– Курт? – Услышал я голос нежный и вопросительный, обернулся и увидел его обладательницу. Она тоже казалась нежной и облачена была в тонкое пальто, которое подчеркивало все изгибы ее тела. Ее волосы были черными – черными, как ночь, они курчавились вокруг ее лица изящными завитками, которые невозможно создать с помощью домашних приспособлений для перманента. Глаза ее были карими и широко распахнутыми, а губы выглядели так, словно были никем не целованы, но желали этого.

– Не думаю, что знаю вас, – сказал я.

– Кит, – ответила она. – Кит О'Доннел.

– Кит О'Дон... – Я взглянул еще раз. – Не Кейти ли О'Доннел? Будь я проклят!

– У тебя найдется минутка, Курт?

Я все еще не мог прийти в себя. Она была девчонкой

с перепачканной мордашкой, когда я последний раз видел ее.

– Конечно, – отозвался я. – Сколько угодно. Времени у меня гораздо больше, чем мне нужно.

– Здесь за углом есть бар, – предложила она. – Там мы может поговорить.

Я усмехнулся и поднял воротник пальто.

– Это как раз то место, куда я в любом случае направлялся.

Бар напоминал все бары – здесь были виски и люди, которые пили виски. Под длинным окном стояли два стола. Мы сели за один из столов, и Кит сбросила с плеч пальто. Сделала она это очень грациозно. На ней был зеленый свитер, лифчика она не носила, и когда скинула пальто, я придвинулся ближе к столу, в ладонях у меня появилось нечто вроде зуда.

Девушка не стала возиться с предисловиями.

– Курт, – начала она, – мой отец в беде.

– Ну, мне очень жаль, – ответил я.

– Ты ведь частный детектив. Я прошу тебя помочь.

Я усмехнулся.

– Кейти... Кит... Я больше не работаю. Закон отнял у меня мой билет.

– Этого не может быть.

– О, еще как может!

– Курт, это целый квартал, не только мой отец. Чарли... Чарли был одним из них. Он... они...

Она замолчала, и ее глаза расширились. Слова, казалось, застряли в ее горле, и она слегка склонила голову. Я обернулся и оглядел бар. Высокий тип в пальто из верблюжьей шерсти шел по бару с широкой ухмылкой на лице. Я посмотрел на него, и ухмылка его стала еще шире. Я повернулся к Кит. Она подняла глаза, и я встретил третий испуганный взгляд за последние полчаса.

– Что за черт? – спросил я.

– Курт, пожалуйста, не надо... – прошептала она.

Я отодвинул стул и пошел к стойке. Высокий тип продолжал ухмыляться, словно пришел в восторг, увидел хорошенькую девушку с бродягой. У него были белокурые волосы и острые голубые глаза, поднятый воротник пальто обрамлял узкое лицо.

– Что-нибудь не так, друг? – спросил я.

Он не ответил. Я заметил, что одна его рука нырнула в карман. На его одеянии появился заметный выступ, и если только у парня не были громадные кулаки, то в кармане, помимо его руки, находилось что-то еще.

– Вы глазеете на мою подругу, – сказал я.

Он отвел глаза от груди Кит, вздымающейся под зеленым свитером, и посмотрел на меня.

– Предположим, что да, – ответил он приторно.

– Так бросьте это.

Ухмылка опять появилась на его лице. Он неторопливо повернул голову и раздел глазами Кит. Я сгреб

его за воротник пальто, вцепившись в него рукой, и поволок из бара.

Он двигался быстрее, чем я думал. Коленкой он нанес мне резкий болезненный удар в пах. И тут же его рука вынырнула из кармана, и в лицо мне уставился курносый тридцать восьмой.

Я не стал долго рассматривать револьвер. Бывают случаи, когда вы можете играть в кошки-мышки, но иногда вы автоматически чувствуете, что этот человек опасен, что оружие в его руке – не блеф, а угроза, которая может осуществиться в любую секунду. Удар коленом в пах согнул меня так, что лицо оказалось на одном уровне с дулом. Я начал поднимать голову и в то же время ударил парня сжатым кулаком. Я попал ему по запястью, револьвер отклонился в сторону, и выстрел оглушительно прогремел в маленьком баре. Я услышал, как вдребезги разлетелось окно, когда в него ударила пуля, и затем крепче сжал пальцами запястье своего противника, повернул его кругом и забросил его руку себе на плечо. Я взял его на бедро, он пошатнулся и хрипло взвизгнул.

А затем он взвился в воздух и перелетел через мое плечо, я по-прежнему крепко придерживал пистолет рукой. Другая моя рука поддерживала парня под локоть. Он начал падать и револьвер выстрелил опять, выбив в полу щель в добрые шесть дюймов. Он начал ругаться, и ругань перешла в вопль, когда он почув-

ствовал, что кости его руки ломаются. Я мог бы ослабить хват. Я мог бы просто позволить ему упасть на пол, и он свалился бы, как пустой мешок. Вместо этого я держал одну руку на его запястье, а другую под его локтем, так что вес его тела давил на его собственную вытянутую руку.

Кость издала легкий хруст, словно кто-то щелкнул парой кастаньет. Он уронил револьвер и ударился об пол с грохотом, от которого задребезжали стаканы в баре. Тут же его здоровая рука потянулась к сломанной. Когда он увидел неестественный угол, под которым она висела, лицо его стало серым. Затем парень покраснел от прилива крови, вызванного острой болью. Он опрометчиво бросился на пол, потянувшись за револьвером здоровой рукой.

Я сделал две вещи и сделал их быстро. Я наступил на его запястье. Наступил так тяжело, что, кажется, услышал треск еще нескольких костей. А затем, пока он пытался отдернуть руку, отвел назад ногу и резко ударил носком ему в подбородок. Его челюсти щелкнули, он оторвался от пола, словно под ним разорвалась граната, и в ту же секунду снова рухнул лицом вниз.

– Подметите здесь, – сказал я бармену. Затем подошел к Кит и помог ей надеть пальто.

– Курт, ты не должен был этого делать, – бормотала она. – Ты не должен был.

– Пойдем отсюда, – сказал я.

На улице она тесно прижалась ко мне. Поднялся резкий ветер, который гнал по тротуару газеты, как шлюпки в разбушевавшемся океане. Я приобнял ее, и это было замечательно – еще раз ощутить возле себя женщину. Бессознательно я крепче сжал ее, и моя рука начала опускаться. Она отвела мою ладонь, глядя мне в лицо.

– Прости, – сказал я. – Я иногда забываюсь.

Нечто вроде сожаления промелькнуло в ее глазах.

– Где ты теперь живешь, Курт? – спросила она.

– В очаровательной маленькой луже под названием «Монтеррей». Это в Бауэри. Не думаю, чтобы ты когда-нибудь бывала там.

– Нет. Я...

– Кто был этот шутник?

– Какой шутник?

– Тот, кому я привел в порядок руки.

– Его имя Лев. Он один из них. Они... мы платим им, Курт. Все хозяева магазинов. И мой отец со своей бакалеей, и Чарли – все. Именно поэтому он и был убит. Чарли, я имею в виду. А теперь мой отец, Курт, он отказался платить им. Он сказал им, что они могут... Курт, я боюсь. Потому я и прошу тебя помочь. – Все это она выпалила разом, словно освобождалась от тяжелой ноши.

– Милая, – сказал я. – У меня нет лицензии. Я уже говорил тебе об этом. Я больше не детектив. Ты поня-

ла?

– Ты мог бы... напугать их. Ты мог бы заставить их бояться брать большие деньги.

– Я? Кто испугается меня? Кит, дорогая, я всего лишь...

– Чего ты хочешь, Курт? – спросила она. – У меня нет денег, но я могу дать тебе... что бы ты ни захотел.

– Что?!

– Они убьют моего отца, Курт. Это так же верно, как и то, что мы стоим здесь – они убьют его. Я сделаю все, что угодно... – Она замялась. – Все, что ты скажешь...

Я усмехнулся, но только слегка.

– Неужели я выгляжу таким, Кит? Неужели я действительно выгляжу таким?

Она подняла голову, и на мгновение ее глаза стали загадочными. Я покачал головой и оставил Кит стоять там, на углу, в пальто, полами которого ветер хлестал ее по длинным стройным ногам.

Я долго шел мимо школы, мимо «Латтинчини», мимо баров, угольной лавки и лавки мясника и всех мест, которые я знал с тех пор, когда был настолько мал, что пешком ходил под стол. Я видел подростков с блестящими глазами, пропахших героином, я видел молодых девушек с полной грудью в тесных бюстгальтерах. Я видел старух с опущенными головами, шаркающих по улицам, и стариков, дымящих трубками возле грязноватых входов в дома.

Здесь я начинал. Курт Кеннон стартовал отсюда. Путь из грязи был долгим. В моем агентстве на меня работали четыре человека. Я прошел долгий путь от Первой авеню. И теперь я опять на этой улице, опять в самом низу, только грязи здесь стало побольше, потому что ее нанесли с собой подонки, которые считают, что тридцать восьмой – это пропуск в доходное место. И парням, таким как Чарли Даггера, перерезают глотку из-за того, что им не нравится такое положение.

Но как бы то ни было, это не мое дело. У меня достаточно и своих хлопот. Чарли Даггера мертв, а мертвые не грезят. Грезят живые. И грезы их полны белокурой красавиц с мерцающими глазами и дразнящими губами. И всех блондинок зовут Тони.

Неожиданно появившаяся передо мной девушка поразила меня. Она показалась мне грезой, обратившейся в явь. Я почти столкнулся с ней и начал было обходить ее, когда она шагнула в сторону и преградила путь.

У нее были длинные белокурые волосы и голубые глаза, которые оценивающе рассматривали меня. Пухлые губы под толстым слоем помады изогнулись в легкой улыбке. Одета она была в кожаную куртку с поднятым воротником, а руки засунула в карманы.

– Привет, – сказала она, продолжая глядеть на меня. Уже смеркалось, и холодный ветер задувал мне за воротник. Я смотрел, как развеваются ее белокурые во-

лосы.

– Чего вы хотите? – спросил я.

– Того же, чего хотите и вы, – ответила она.

Я еще раз оглядел ее, от стройных ног в туфлях на высоких каблуках до полных округлых бедер, обтянутых юбкой.

Затем ее глаза опять встретились с моими, она смотрела на меня открыто и честно.

– Нравится?

– Нравится.

– Это будет дешево, мистер. По-настоящему дешево.

– Сколько?

Она взяла меня под руку, прижавшись к ней грудью.

– Мы поговорим о цене попозже, – сказала она, – Пойдем.

Мы пошли, и ветер теперь всерьез принялся за дело, угрожая снести серые здания, поднимающиеся в небо.

– Сюда, – указала она.

Мы свернули на Девятнадцатую улицу и прошли по ней с полпути по направлению ко Второй авеню.

– Вот этот дом, – бросила она.

Я не ответил. Она шла впереди меня, а я, шагая за ней, смотрел на ее бедра, покачивающиеся под юбкой, и опять думал о Тони, кровь бурлила в моих жилах.

Она вошла в темный подъезд, я за ней. Она прошла вперед в конец полуподвала, и я слишком поздно осо-

знал, что здесь нет и не может быть никаких квартир. Внезапно она обернулась, направив на меня никелированный двадцать второй, и толкнула меня спиной к мусорным бакам, выстроившимся под лестницей.

– Что это? – спросил я. – Изнасилование?

– Да, изнасилование, мистер, – ответила она, взмахнув головой и отбрасывая назад на плечи белокурые волосы. Ее глаза сузились, она подняла револьвер и нанесла удар, от которого у меня из подбородка хлынула кровь.

– Это тебе за Льва, – сказала она, отведя маленький револьвер назад, и вновь ударила меня, на этот раз я почувствовал, как у меня во рту захрустели зубы.

– Это тебе за сломанную руку!

Она опять замахнулась, и по короткой дуге револьвер устремился к моему лицу. Я выбросил вперед руку и схватил девицу за запястье, отведя револьвер в сторону. Другой рукой я наотмашь ударил ее по лицу. Я сжал ее запястье так крепко, что она выронила револьвер в мусорный бак; у нес вырвался негромкий вскрик. Я дал ей еще одну пощечину, и она отлетела к стене, открыв рот в изумлении и ужасе.

– Мы пришли сюда кое-зачем, – напомнил я.

– Ты, вшивый сукин сын, я не прикоснулась бы к тебе, даже если бы ты оставался последним мужчиной на земле.

На этот раз я ударил ее сильнее, расстегнул молнию

на кожаной куртке и разорвал блузку. Мои пальцы нащупали лифчик и сорвали его. Я притянул ее к себе и прижался ртом к ее губам. Она сопротивлялась и прятала губы, но я рванул ее к себе и обхватил руками. Через некоторое время она перестала сопротивляться.

Снаружи по-прежнему завывал ветер. Я оставил ее тяжело осевшей возле стены, сунул пятидолларовую бумажку в мусорный бак и сказал:

– Скажи Льву, чтобы держал свою приманку дома. Если он пошлет ко мне еще одну потаскушку, я сломаю ему вторую руку.

Я вышел из здания. Я был раздражен, очень раздражен. Мне не нравится, когда меня обводят вокруг пальца. Я был готов найти этого Льва и действительно сломать ему вторую руку. Я был готов оторвать ее и запихать ему в рот. Вот что примерно я чувствовал... Вы идете на похороны и не собираетесь участвовать в боксерском матче. Вы не рассчитываете встретить подонков, которые вытряхивают деньги из бедного квартала. Это как монеты, которые высыпаются из автомата, продающего жевательную резинку. От этого так воняло, что мне хотелось заткнуть нос.

Я кипел от негодования и прежде, чем осознал что делаю, я уже стоял перед бакалейной лавкой О'Доннела. Я вошел, когда увидел, что за прилавком – Кит.

– Шесть банок пива, пожалуйста, – сказал я.

Она вздрогнула и подняла голову, услышав мой голос.

– Курт, – сказала она, – один из них только что был здесь.

– Что?! Где он?

– Только что вышел. Он сказал, что нам лучше, отдать деньги завтра, а не то...

– Куда он пошел? – Я был уже на полпути к двери.

– В сторону Плезнт-авеню, – ответила она. – Он одет в мягкую шляпу и зеленое пальто.

Я не ждал больше ни секунды, выбежал из лавки и направился в сторону Плезнт. Пройдя полквартала, я настиг его. Со спины он казался здоровенным парнем – высокий, плечи распирают пальто. Я догнал его и схватил за руку, завернув ее за спину.

– Привет, – сказал я. – Меня зовут Курт Кеннон.

– Эй, мужик, ты что, очумел или что-нибудь в этом роде? – Он попытался освободиться, но я крепко держал его.

– Отведи меня к шефу, – сказал я.

– Ну ты, мужик, наглеешь, – заскулил он. Я все еще не мог видеть его лица, но говорил он по-детски, словно был большим ребенком, начавшим качаться штангой.

– Ты хочешь, чтобы я оторвал тебе руку? – спросил я.

– Спокойней, мужик. Спокойней. – Он попытался по-

вернуться, но я прижал его покрепче. – Чем ты недоволен? – спросил он наконец.

– Я не люблю вымогательства.

– А кто его любит? Мужик, ты...

Я рванул его руку, и он взвизгнул.

– Хватит болтать, – гаркнул я. – Веди меня к сукину сыну, который все это начал, или прощайся с рукой.

– Полегче, мужик, полегче. Я уже иду.

Мы пошли по Плезнт, я оставался позади него, готовый в случае чего вывернуть ему руку.

– Он здесь никого не обижает, – продолжал тяжело-вес. – Он не хочет никого обижать в любом случае.

– Он уже обидел, – сказал я. – Он перерезал глотку Даггере.

– Ты не должен закладывать меня, – попросил тяжело-вес. – Ты не должен меня закладывать.

– Иди!

Он шел еще довольно долго и внезапно остановился.

– Здесь, – сказал он, указывая головой. – Он здесь, наверху, но он не собирается никого обижать...

– ... вообще. Я знаю.

– Ты только не закладывай меня, мужик. Мне не надо неприятностей.

Я оттолкнул его от себя, и он чуть не упал на тротуар. Я наконец увидел его лицо: это был совсем еще юноша, не более двадцати лет, с большими голубыми

глазами и розовыми щеками.

– Держись от всего этого подальше, – сказал я.

– Конечно, мужик, конечно. – Он вскочил на ноги и побежал по улице.

Я взглянул на красное здание, на верхнем этаже которого светилось одно окно, поднялся на крыльцо, сложенное из песчаника, и подергал входную дверь. Она не отворилась, я налег на нее плечом, дверь разлетелась на куски. В подъезде оказалось темно.

Я поднимался по лестнице на последний этаж. Когда наконец я добрался до него, то изрядно запыхался и остановился, чтобы перевести дыхание. Тонкая полоса янтарного света падала на пол через щель под дверью. Я подошел и подергал ручку. Закрыто.

– Кто это? – слышался голос.

– Мужик, это я, – ответил я.

– Зип?

– Да. Давай, открывай.

Дверь приоткрылась, и я толкнул ее, открыв нараспашку. Она ударилась о что-то, я пинком захлопнул ее за собой и прислонился к ней спиной. Все, что я увидел вначале, был Лев с гипсовой повязкой на руке.

Его глаза сузились, когда он увидел, кто пришел, и он шагнул ко мне.

– Не буду, – мой голос был мягок, – я не буду, Лев.

– Он прав, – подхватил другой голос. Я комнате горела только одна лампочка, и углы ее оставались в те-

ни. Я взгляделся в один из углов и различил там старую софу и пару голубых слаксов, вытянувшихся на ней во всю длину. Проследовав взглядом по слаксам, а затем рубашке, я добрался до узкого лица с выступающими скулами и сверкающими глазами, опущенными вниз на открытый нож с выкидным лезвием, которым человек чистил ногти на руке.

– Вы, должно быть, мистер Подонок собственной персоной? – спросил я.

Длинные ноги спустились с софы, и на свет появилось лицо. Жестокое молодое лицо, с резкими морщинами, точно проведенными от носа к узким сжатым губам.

– Меня зовут Джекки, – сказал он, – Джекки Бирон. А вы что за игру затеяли, мистер?

– Сколько тебе лет, Джекки? Двадцать два? Двадцать три?

– Достаточно стар, – ответил он и сделал еще один шаг ко мне, подбросил нож и поймал его на лету. – А сколько лет вам, мистер?

– А вот я действительно стар, подонок. Мне тридцать.

Действительно стар.

– Может быть, вы больше уже не будете стареть. Вам не стоит жаловаться.

– Чарли Даггере тоже было около тридцати, – сказал я. – Он тоже не будет больше стареть.

– Да, – сказал Бирон. – Это именно то, что я имел в виду.

– Сколько уже времени ты вытряхиваешь деньги из местных торговцев, Джекки?

Он ухмыльнулся:

– Я не знаю, о чем вы говорите. Торговцы передают мне деньги в дар. Я их любимый благодетель. Им нравится давать мне деньги. Я даю им уверенность, что сопливые мальчишки не будут больше бросать воняющие бомбы в их лавки или бить стекла в окнах. Я делаю им добро.

– Ты думаешь, что нашел новый трюк, не так ли?

– Что?

– Ты слышал, что я сказал. Ты затеял несложную игру. Достаточно только показать нож, и владелец магазина намочит свои штаны. Это уже делали, Джекки. И подонки покруче тебя.

– Ты не должен сносить это, Джекки, – сказал Лев. – Ты не должен сносить все это от какого-то бродяги.

– А ты можешь найти свою девушку в мусорном баке в одном из подъездов, – бросил я ему. – У нее не хватало кое-чего из одежки, когда я уходил от нее.

– Зачем ты, сукин... – Он бросился ко мне, но я развернул его и толкнул через комнату к софе. Его голова ударилась о стену с глухим стуком.

– Хорошо, приятель, – сказал Бирон. – Хватит ходить вокруг за около.

– Я не играю, Джекки-бой.

– Убирайся к черту из этого квартала, – сказал он. –

У тебя длинный нос, а я не люблю длинных носов.

– А почему ты думаешь, что удастся сделать что-нибудь с моим длинным носом, Джекки-бой?

– Ну ты и мудрец, – сказал он с отвращением. – Настоящий мудрец.

Он сложил свой нож, а затем нажал кнопку на его рукояти.

Лезвие открылось, выскочив со свистом.

– Очень впечатляет, – сказал я. – Подходи и пусти его в ход.

– Стальные нервы, да? – спросил он с легкой усмешкой.

– Нет, сынок, – ответил я. – Мне просто на все плевать, вот и все. Ну, давай же!

Он замешкался, и я закричал:

– Давай, подходи, тупой ублюдок.

Он шагнул ко мне и сделал молниеносный выпад ножом. Я поймал его руку и дернул, мы закружились под электрической лампой, как два балетных танцора. Я пригнул его руку и в то же время резко ударил ногой. Он отлетел в глубь комнаты, пытаясь сохранить равновесие, повернулся со зловещей ухмылкой на лице и затем сделал то, что никогда не сделал бы человек, опытный в обращении с ножом.

Он метнул нож.

Я отклонился в сторону, и лезвие просвистело мимо мое головы. Я услышал, как оно вонзилось в дверной косяк позади, и улыбнулся:

– Отлично! Похоже, мы теперь равны.

Я сделал шаг к нему, слишком поздно вспомнив о Льве.

– Равны, да не совсем, приятель, – сказал Лев.

Я не стал оборачиваться, потому что знал наверняка, что он держит в руке револьвер, который я уже однажды отнимал у него сегодня. Вместо этого я нырнул вниз, и тут револьвер выстрелил. Комната наполнилась пороховой вонью. Мои руки обвилились вокруг ног Бирона, и мы рухнули на пол.

Револьвер прогремел опять, и Бирон закричал:

– Ты, соня, прикончи его.

Больше он ничего не сказал, потому что мой кулак оказался у него во рту, и он пытался проглотить его. Я приподнял его с пола, заслоняясь им, поставил на ноги и, держа перед собой, двинулся ко Льву.

– Ну, давай, Лев, – сказал я. – Стреляй. Убей своего дружка и доберешься до меня.

– Не двигайся, – сказал он.

Я продолжал пересекать комнату, держа перед собой обмякшее тело Бирона.

– Я сказал, не двигайся.

– Стреляй, Лев. Прodelай дырку в Джекки-бое. Вперед!

Он на мгновение замешкался, и это было то, что мне нужно. Я бросил вперед Бирона, как мешок с картошкой, и Лев метнулся в сторону. Тут я прыгнул. Я ударил его раз в живот и раз в адамово яблоко, чуть не убив его, затем я сгрел Льва за шиворот и, подхватив другой рукой за воротник Бирона, поволок их из комнаты вниз по лестнице и на тротуар. Копа я нашел неподалеку.

Кит я рассказал об этом позже.

Ее глаза засияли, напомнив мне о времени, когда я бродил – совсем еще ребенком – по кварталу. Ребенком, не знающим, что такое боль и потеря.

– Приходи повидаться со мной, Курт, – сказала она. – Приходи, как только у тебя будет время. Пожалуйста, не забывай, Курт.

– Я буду приходить, Кит, – солгал я.

Я вышел из бакалейной лавки и пошел по Третьей авеню. Там я сел на автобус и поехал домой.

Домой...

Если я потороплюсь, я могу еще застать винную лавку открытой.

Автобус покатил по Сто двадцатой улице, а я смотрел в окно на высокие стены многоквартирных домов. Затем Сто двадцатая кончилась, а вместе с ней и воспоминания о детстве Курта Кеннона.

Я откинулся за сиденье, поднял воротник пальто и слегка улыбнулся, когда женщина рядом пересела на другое место.